

Copyright © 2017 by the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 29, Is. 1, pp. 58–66, 2017
DOI 10.22162/2075-7794-2017-29-1-58-66
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 390 (519.3)

Tuvans of Russia, Mongolia and China: Forms of Family and Marriage

Elena V. Aiyzhy¹

¹ Ph. D. in History (Cand. of Historical Sc.), Associate Professor, Department of General History and Archaeology, Tuvan State University (Kyzyl, Russian Federation). E-mail: aiygy@mail.ru.

Abstract

The article aims to study the forms of marriage and family among the Tuvans of Russia, Mongolia and China from a comparative perspective. The study of the forms of marriage and family of Tuvians is supposed to shed light upon the complex history of social relations in Tuva in the late 19th and the early 20th centuries, and identify conditions for the existence of some archaic features of marriage relationships. At the same time, the study of marriage and family relations in the period of transformation processes can identify ways of building new forms of marriage and family required for further development and improvement of the norms of marital relations among the Tuvians. The undoubted feature of the article is that field materials collected by the author on the territory of the Republic of Tuva, Mongolia and the Xinjiang Uyghur Autonomous Region of China have been applied for the analysis within the study.

Keywords: family, marriage, clan, Tuvans of Russia, Tuvans of Mongolia, Tuvans of China, marriage age, celibacy, *oitulaash*.

Свадебная обрядность как одна из составляющих ритуалов жизненного цикла относится к наиболее устойчивым компонентам традиционно-бытовой культуры и поэтому является ценным этнографическим источником. В этой обрядности сохранились как пережитки более ранних форм семейного и общественного быта, так и реликты древних обычаев и ритуалов, и ее исследование дает возможность составить более полную картину о народе, о его культурно-бытовом облике, социально-правовых отношениях и морально-этических устоях. Свадебная обрядность является собой результат взаимодействия в сложном динамичном процессе разнотипных и разнохарактерных компонентов, каждый из которых имеет свои закономерности: генетические, функциональные и пр.

Во второй половине XIX — начале XX вв., насколько позволяют судить имеющиеся источники, господствующей и по сути единственной формой семьи у тувинцев России, Монголии и Китая была малая семья. Она состояла обычно из двух поколений кровных родственников по восходящей и нисходящей линиям, т. е. из родителей и их неженатых и незамужних детей. Кроме того, в состав семьи мог входить кто-нибудь из родственников, не имевших своей семьи, например, брат или сестра мужа и жены, а также их престарелые отец и / или мать.

Брак, считавшийся в обществе тувинцев России, Монголии и Китая обязательным для каждого человека, заключался только посредством сватовства. Брак путем похищения, хотя бы символического, видимо, существовал, но в начале XX в. это были еди-

нические случаи. По сведениям информантов, такие случаи были отмечены в указанный период в приграничных зонах Тувы и Монголии (Эрзинский район, Южная Тува) [ПМА: Лахов]. В прошлом подобный брак отмечался исследователями у российских тувинцев и алтайцев. Так, о браке путем похищения у алтайцев Горного Алтая русский миссионер В. И. Вербицкий писал в конце XIX в. следующее: «У северных алтайцев, большей частью, воруются невесты. Жених, подговорив невесту и получив от нее в задаток платок, по взаимному условию, приезжает за ней ночью, на хорошем верховом коне, в сопровождении холостых молодых людей. Эти молодые люди подхватывают скрывающуюся из родительского дома невесту, сажают на подготовленного коня и мчатся в улус жениха или к ближайшим родственникам» [Вербицкий 2011: 105].

Патриархальный быт устанавливал господство отца в своем семействе. Во главе семьи стоял старший мужчина, отец семейства, а в его отсутствие — мать, которые представляли интересы семьи в обществе. Родители разрешали все вопросы повседневной жизни: распределяли доходы, заключали торговые сделки, покупали товары. Члены семьи вели общее хозяйство, владели совместным хозяйством, в том числе и скотом. Следовательно, семья была многофункциональной социальной группой, которая осуществляла хозяйственную и общественную функции. Важнейшими функциями семьи являлись репродуктивная (продолжение рода) и воспитательная; в ее рамках происходила социализация личности.

У тувинцев России, Монголии и Китая существовали определенные экзогамные нормы. Счет родства велся строго по отцовской линии. Родственная номенклатура сохраняла четкое деление родственников по отцу и матери, по жене и мужу. Не принято было заключать браки между представителями одного *сёока* ('рода' или 'клана') или, в рассматриваемое время, одной фамилии. Традиционно члены одного *сёока* считались между собой братьями, и нарушение этой родовой нормы грозило изгнанием или иногда даже смертью. Однако разрешалось бракосочетание в близкой степени родства (в седьмом поколении) по женской линии. Л. П. Потапов отмечал: «Нельзя было жениться женщинам и мужчинам внутри своего рода (кости) и не только рода, но и всего

сумона» [Потапов 1969: 229]. Эту особенность упоминал и Ф. Я. Кон, который писал, что «исключения бывали, но союзы к такого рода бракам относились с крайним осуждением» [Кон 1934: 33]. В конце XIX — начале XX вв. мужчины предпочитали брать жен из других родовых групп или же из одноименных, но не родственных. Вместе с тем разрешалось вступать в брак четвертому поколению (*хая корбес*, букв. 'обратно не оглядываться'), т. е. между правнуками родных братьев и сестер.

Среди современных российских тувинцев можно наблюдать следующие изменения: нечасто, но бывают случаи, когда женятся однофамильцы, при этом даже из одного сумона (района). Так, во время экспедиции 2006 г. информанты сообщили нам, что состоялась свадьба молодоженов с фамилией Ооржак и что они были рады тому, что даже фамилии не пришлось менять в ЗАГСе. Позже мы выяснили, что в отделениях ЗАГС при подобной ситуации жених и невеста заявления о смене фамилий не писали, отпадала и необходимость смены паспорта, в котором просто ставили соответствующий штамп о заключении брака. Согласно статистическим данным последних лет, в Туве появилось много женщин, родивших детей без мужа, увеличилось число случаев, когда детям присваивается фамилия матери, поскольку распространенной формой стал и гражданский брак. Кроме того, частым явлением стали разводы. Шарль Степанов в статье «Метаморфозы родства у тувинцев» отмечает: «Различение родни отца и матери, лежавшее в основе системы родства в традиционном обществе, в настоящее время исчезает. Более того, нередко молодые люди указывают материнскую линию как свою, что противоречит универсальному в тюрко-монгольских обществах принципу патрилинейности» [Степанов 2009: 130–144]. Такая ситуация, конечно, беспокоит общественность, так как нарушаются традиционные нормы брака. Вышеизложенное свидетельствует о следующих проблемах: незнание своих родных (корней) до седьмого колена, что было характерно для тувинцев в прошлом; заключение браков между представителями одного рода, возможно, даже родственников, что приводит к кровосмешению.

Возникает вопрос о времени и причинах нарушения традиционной системы заключения браков, для рассмотрения которого

обратимся к исследованиям ученых и другим материалам.

У алтайцев до революции соблюдалась клановая экзогамия, которая являлась гарантией здоровья этноса: «Никто не женится на женщине своего *сөөка*, <...> в какой бы далекой степени родства она ни приходилась ему» [Дыренкова 1926: 253], что характерно для алтайской культуры до настоящего времени [Тадина 2005: 257]. Этот обычай (*алышпас* 'нельзя взять') описан у северных алтайцев и шорцев [Потапов 1953: 252–255], а также у тофаларов [Катанов 1907: 624]. Значение *сёока* (*сөөк*) состоит в том, что он объединял людей одного рода (или клана) и являлся важным элементом самоопределения. Поэтому исследователи отмечали, что на Алтае «при встрече друг с другом инородцы предлагают первый вопрос — какого *сёёка* [*сөөк*], кости» [Адрианов 1888: 145]. Согласно Уставу об управлении инородцами (1822), среди народов Алтая царская администрация разделяла так называвшихся «кочевых инородцев» по улусному принципу; традиционная структура общества сохранялась в целях организации сложной территориальной системы [Швецов 1898: 1–16].

У тувинцев, как и у других тюркских народов Саяно-Алтая, существовали родственные группы, имевшие общее имя. С конца XIX в. русскоязычные исследователи, знакомые с этнографией других тюркских народов Саяно-Алтая, называли в своих очерках эти группы *сёоками*. Но, как отмечает Ш. Степанов, «судя по большому корпусу текстов Катанова, сами тувинцы употребляли слова *чон* ('народ') и *улус* вместо *сөөк* ('род') (напр., см.: [Катанов 1907: 44, № 318–219; 163, № 1149]). <...> В конце XIX в. исследователи отмечали, что тувинцы себя идентифицировали скорее по административному делению, нежели по родственным группам [Райков 1898: 433–462; Дулов 1951: 44]» [Степанов 2009: 131]. Исследователь объясняет эту особенность тувинского общества тем, что «система принадлежности к родственным группам у тувинцев со второй половины XVIII в. насильственно подверглась политике разрушения цинской администрацией», в результате которой тувинцы-скотоводы были «закреплены за определенными территориальными единицами, за пределы которых они не имели права перекочевывать», что ослабило «солидарность родственных

групп» [Степанов 2009: 131], в отличие от алтайцев, которые не были столь жестко привязаны к территориальным границам и проживали в разных административных единицах, будучи представителями одного *сёока*. Кроме того, территориальная община тувинцев обрела функцию, которую ранее выполнял клан, поскольку общественные обряды стали проводиться под руководством чиновников из разных родственных групп [Кон 1934: 126]. В связи с возросшей ролью территориальной общности в начале XX в. «тувинские группы, соответствующие алтайским кланам, не только не имели социально-политической функции, но и не играли определяющей роли в брачных отношениях» [Степанов 2009: 131].

Но, в отличие от тувинцев России, среди тувинцев Монголии и Китая трансформационные процессы не затронули указанную сферу: они сохранили традиционные представления о нежелательности заключения брака с представителями своего рода. При этом ввиду своей малочисленности и компактного проживания тувинцы Монголии и Китая предпочитают заключать браки с представителями соседних монгольских народов — в большей степени ойратов (баятов, мингатов, олётов, дербетов, торгуты), в меньшей степени — халха-монголов. Эту особенность в предпочтениях выбора брачного партнера информанты связывают с тем, что вышеназванные этнические группы западных монголов проживают по соседству, что они близки по духу, менталитету и пр.

Кроме того, отмечено, что тувинцы Монголии и Китая меньше всего женятся или выходят замуж за казахов, уйгуров и китайцев. В 2012 г. во время экспедиции в Синьцзян-Уйгурский Автономный округ Китая в с. Ханас был зафиксирован случай, когда представительница из рода *соян* вышла замуж по любви за казаха и была проклята родственниками. Связи с ней были прерваны, и родичи не имели никаких сведений о ее дальнейшей судьбе. Этому факту информант дал следующее объяснение: «казахи — представители другой веры, религии» [ПМА]. Другой пример: во время экспедиции в с. Хом Синьцзян-Уйгурского Автономного округа КНР, узнав о приезде ученых, к нам обратились три молодые женщины, по национальности тувинки. Оказалось, что они замужем за китайцами, имеют детей, но живут обособленно от сородичей.

Отношения с родственниками сложные, поскольку тувинцы браки с китайцами не приветствуют, опять же ввиду того, что у них другая вера, другая культура. Встречаются среди тувинцев КНР и случаи заключения браков между тувинцами и китайками: так, в г. Алтай членам экспедиции сообщили о случае женитьбы на китайке, отмечалось, что родственники мужа хорошо приняли в семью невестку, а свадьба была проведена по тувинским и китайским правилам. Тем не менее, в среде тувинцев КНР такие браки считаются нежелательными, и основными причинами признаются иная вера, незнание языка и обычаев, трудности в адаптации к жизненной среде людей другой национальности, сложности в отношениях невестки с родителями мужа, а также представление о том, что подобным образом девушки оказывают неуважительное отношение к своим родственникам.

К нормам, касающимся заключения брака, традиционно относились также следующие: два родных брата не могли жениться на родных сестрах; два брата не женились в один год и так же две сестры в один год не должны были выходить замуж. Девушка не могла выйти замуж в тот же год, когда женился ее брат, но если сначала сестра вышла замуж, то брат мог обзавестись семьей в течение того же года, поскольку свадьбы проходили в двух разных семьях. До тех пор, пока старший брат не женился, младший не мог обзавестись семьей. Считалось, что в противном случае старший брат будет несчастлив.

Среди тувинцев Кобдоского аймака Монголии во время экспедиции 1996 г. автором отмечен случай: парень 22-х лет имел невесту и уже был готов к женитьбе, но не мог этого сделать ввиду того, что у его старшего брата не было даже невесты, не говоря о свадьбе [ПМА: Магзаржап Хаалар]. У российских тувинцев же этот обычай сегодня соблюдается по-разному. Жители западных и южных районов Тувы строго придерживаются данных правил, но в то же время в центральных районах, таких как Кызыльский, Тандинский, их уже перестали соблюдать.

Запрет вступать в брак охватывал следующие группы родственников:

1. *Угбашкылар (акышкылар)* — между родными братьями и сестрами, рожденными от одной матери и одного отца;

2. *Шанышкылар* — между детьми родных братьев и сестер;

3. Между внуками родных братьев и сестер.

Важным фактором для тувинской семьи является многодетность, которая считалась большим счастьем, соответственно, отсутствие детей воспринималось как большое горе. Отношение взрослых к детям отличалось в целом любовью, заботой и терпимостью. С раннего детства детей приучали к трудолюбию, учили правилам поведения в семье и обществе, воспитывали послушание и почтение к старшему поколению. До десяти лет мальчики и девочки росли и воспитывались вместе. Сыновей готовили к семейной жизни и самостоятельному ведению хозяйства. Отец обучал их мужским работам: различным промыслам, охоте, способам забоя скота и прочим хозяйственным мужским занятиям. Нормы обычного права и семейно-брачной обрядности четко определяли положение девушки в кругу семьи, в соответствующей половозрастной группе, в обществе. Вся ее добрачная жизнь являлась подготовкой к замужеству; в этот период происходило полное приобщение девушки к семейному быту. Мать обучала дочь всем женским работам — умению вести хозяйство, уходу за скотом, приготовлению пищи, шитью, прядению и различным секретам рукоделия. Таким образом, девушка познавала годовой цикл обрядов и обычаев, связанных с бытовой, промысловой и праздничной сторонами жизни.

В возрасте 16–17 лет девушка переходила в новую возрастную группу, она выходила из мира детства и входила в отроческий период. Трудовые обязанности оставались прежними, но изменялись нормы ее поведения, санкционированные обычным правом нормами семьи и общества. Помимо выполнения своих бытовых обязанностей, у нее появлялась особая, своя жизнь. В работе С. И. Вайнштейна «Загадочная Тува» отмечено «наблюдение Феликса Кона, что во многих тувинских аалах¹ ему приходилось видеть юрты, в которых жили взрослые девушки, каждая в отдельной юрте» [Вайнштейн 2009: 268]. Это делалось для того, чтобы девушка могла свободно располагать собой и без стеснения принимать возлюбленного, несмотря на то, что ни девушка, ни парень не собирались скреплять свою связь брачными узами. Особенностью такого возрастного периода являлось также

¹ Аал — поселение, включавшее несколько юрт.

участие девушек и парней в ритуальной игре *ойтулааш* — ночных игрищах молодежи дореволюционной Тувы. В них принимали участие только незамужние и неженатые молодые люди. На ритуальных игрищах молодежь знакомилась между собой и лучше узнавала своих родственников из других районов, что было очень важно, так как по вековым обычаям строго запрещалось создавать семьи детям близких родственников. Молодежь играла в так называемые игры под луной с большим увлечением и задором [Майны 2012: 151–154]. «Праздник начинался с первого месяца лета и продолжался до последнего месяца осени, с позднего вечера до рассвета — в сакральное время суток», — отмечает Г. Н. Курбатский. Игры проводились в лунные светлые, белые ночи 15-го числа (полнолуние) каждого месяца. Это время находилось между «молодым» и «старым» месяцем, на символическом уровне — между «рождением» и «смертью», и соотносилось с возможной переменой статуса молодых людей [Курбатский 2001: 464].

Информанты во время полевых исследований рассказывали нам, что для проведения *ойтулааш* избирались такие места, чтобы удобно было приехать из разных направлений Тувы, и в отдаленных кожуунах Республики Тыва, (например, в Овюрском и Монгун-Тайгинском) такие молодежные игрища не проводились. Кроме того, при небольшом количестве собравшихся для игрищ молодые люди на лошадях обьезжали близлежащие аалы, приглашая песнями¹ к участию в празднике [ПМА: Сарыглар Ч. Ш.-Х., Минчимаа М. О.; Айыжы, Майны 2016: 108]. В советские времена молодежный праздник, который представлялся чуждым в социальном и идеологическом планах, был запрещен решением VIII съезда Тувинской народно-революционной партии (1929 г.) [Курбатский 1973: 219].

Девушка-невеста имела право одеваться лучше и наряднее других как в праздники, так и в будни. В. В. Радлов отмечал: «Лучше и опрятнее всех одеты девушки и богатые молодые женщины, последние — уже в силу своего имущественного положения и еще потому, что, по обычаю, при выдаче замуж их следует одеть во все новое. Кроме того, девушки и молодые женщины носят богатые украшения» [Радлов 1887: 34].

¹ Обрядовый фольклор народных игрищ описывается в работе М. Б. Кенин-Лопсана [2004].

Понятие «брачный возраст» у тувинцев в XIX в. и в более ранние периоды отличался от современных представлений. Девушек выдавали замуж в возрасте 16–18 лет, иногда 14–15 лет. Народные представления о совершеннолетию мужской половины были еще более нечеткими, чем о девичьем. Для юношей нормальным считался брачный возраст 18–20 лет и позднее. По бытовым меркам готовые для брака «женихи» и «невесты» должны были быть физически крепкими, работающими, почтительными к старшим людям. В целом период от 16 до 40 лет считался временем расцвета физических и духовных сил, накопления жизненного опыта [Айыжы 2016: 415].

В наши дни наблюдается повышение брачного возраста: основная часть браков заключается в возрасте 23–26 лет как среди жителей села, так и среди горожан, что свидетельствует об отсутствии моральной и ценностной поляризации указанных категорий населения. В этом возрасте индивид уже является морально и материально самостоятельным, устанавливает свой уровень требований и притязаний к своей половинке, а также успевает «пожить для себя». Большинство наших российских информантов считают, что это самый подходящий для брака возраст. При вступлении в брак непременным условием должны быть материальная база и собственное жилье как залог успешной семейной жизни.

Старых дев и холостяков остерегались, считалось, что женщина, не родившая ребенка, не может прочувствовать чужую боль. Место старой девы в юрте — на правой стороне перед *улгуур* ('буфет'). Место у старого холостяка — с левой стороны у входа юрты, это место называется *тодуг чарык* ('сытное место'), здесь зимой привязывают молодняк скота, летом на крючок подвешивают мясо. У тувинцев России, Монголии и Китая такое отношение к старым девам и холостякам сохраняется и по сей день.

Тувинцы Баян-Ульгийского аймака Монголии нерожавшую женщину называют *уруг ундурбээн кижиги* ('человек, который не выпустил ребенка'). Таких людей боялись, считая, что «*уруг ундурбээн кижиннин каргыжы куштуг*» ('у человека, который не выпустил ребенка, проклятия сильны'), «*эр кижиги тос эриини шыдажып эрте бээр. А уруг ундурбээн кижинин чукурун аскаш, оон адаандан эр кижини эрттиреге, эр*

кижи ону эртий шыдавас («мужчина может пройти все девять адов мучений / испытаний. Но если повесить нижнее белье человека, который не выпустил ребенка, то мужчина не сможет пройти»). Старую деву называли *оонге кырып калган уруг* («в юрте состарившаяся женщина»), или *эр-даа албас*, *эрлик-даа албас* («даже парень не берет, даже черт не берет»). Во время рождения ребенка или при проведении свадебного обряда таких людей и ныне стараются не приглашать или же не сажать на почетное место в юрте. Безбрачные (старые девы и холостяки) не имели веса в обществе, обычно им не устраивали отдельное жилище, и положение их в семье было неопределенным. Прежде в отношении старых дев и холостяков бытовало суждение, что они якобы плохие люди, и в юрте им полагалось

сидеть только слева от входа (на самом низкостатусном месте) [ПМА: Чаг Т. К.]. Иногда им могли отказать в ночлеге или дать пищу за пределами жилища. Считалось, что после смерти им уготована плохая жизнь в загробном мире, и погребение их проводили с некоторыми отличиями [Дьяконова 1980: 58]. Только женатые и замужние приобретали авторитет и влияние в обществе. Такое отношение сохраняется у тувинцев России, Монголии и Китая и на современном этапе. Если у молодой семьи имеется неженатый друг или незамужняя подруга, то их стараются не приглашать на свои семейные мероприятия. Среди тувинцев Монголии нами зафиксированы следующие поговорки и пословицы, связанные с такими людьми [ПМА: Донгак Натсак (Хоюк) Улуг]:

<i>Эшитиг кижиги эгенмес,</i> <i>Чашитыг кижиги чалданмас.</i>	Человека в паре не согнет (беда), с другом от беды отобьюсь. С парой человек бесстрашен.
<i>Чангыс кезек от болбас.</i>	Одно полено не сделает огонь (костер).
<i>Чангыс кижиги – кижиги болбас.</i>	Один человек — не народ.

Таким образом, общей чертой тувинского семейного быта являлась большая прочность родственных связей. Важным событием в любой семье считались женитьба сына

или замужество дочери. Создание новой семьи было общим делом для родственников, и в этом принимали активное участие обе стороны вступающих в брак.

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-01-00442 «Судьба кочевых обществ в индустриальном и постиндустриальном мире».

Источники

Полевые материалы автора — ПМА.

Список информантов:

Донгак Натсак (Хоюк) Улуг. Уроженец сомона Цэнгел Баян-Ульгийского аймака Монголии. В момент записи проживала в м. Буянт Кобдоского аймака Монголии. Запись 1996 г.

Лахов Валерий Кыргысович, 1938 г. р. Уроженец м. Качык Эрзинского района Республики Тыва, в момент записи проживал в с. Нарын Эрзинского района Республики Тыва. Запись 1998 г.

Магзаржап Хаалар, 1977 г. р. Уроженец м. Буянт Кобдоского аймака Монголии. Запись 1996 г.

Минчимая Мария Ондаровна (1936–1990). Уроженка м. Доскаарлыг Дзун-Хемчикского района Республики Тыва. В последние годы проживала в г. Кызыл Республики Тыва.

Сарыглар Чанчываа Шаажан-Хоевна (1929–2001 гг.). Уроженка м. Доскаарлыг Дзун-Хемчикского района Республики Тыва. В последние годы проживала в г. Чадан Дзун-Хемчикского района Республики Тыва.

Чаг Тыва Куш, 1924 г. р. Уроженка м. Буянт Кобдоского аймака Монголии. Запись 1996 г.

Литература

Адрианов А. А. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 году по поручению Императорского Русского Географического общества членом-сотрудником А. В. Адриановым // Записки Императорского Русского Географического общества по общ. географии. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1888. Т. 11. С. 147–444.

- Айыжы Е. В. Категория «возраст» и отношение к нему у тувинцев // Казанский педагогический журнал. 2015. № 5 (112). С. 415–421.
- Айыжы Е. В., Майны Ш. Б. Молодежный праздник «Ойтулааш» в традиционной культуре тувинцев // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2016. № 1. С. 107–114.
- Вайништейн С. И. Загадочная Тува. М.: ООО «Домашняя газета», 2009. 416 с.
- Вербицкий В. И. Алтайские инородцы. М.: Книга по требованию, 2011. 256 с.
- Дулов В. И. Пережитки общинно-родового строя и родового быта у тувинцев в XIX — начале XX в. (до 1917 г.) // Советская этнография. 1951. № 4. С. 57–76.
- Дьяконова В. П. Из предыстории тувинского сохвоха «Нарын» // Этнографические аспекты изучения современности. Л.: Наука, 1980. С. 93–108.
- Дыренкова Н. П. Род, классификационная система родства и брачные нормы у алтайцев и телеут // Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР. Л.: Изд. Комиссии по устройству студенческих этнографических экскурсий, 1926. Вып. 1. С. 247–259.
- Катанов Н. Ф. Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов. Тексты, собранные и переведённые Н. Ф. Катановым // Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Джунгарской степи. Собраны В. В. Радловым. Т. IX (тексты I, перевод II). СПб.: Тип. Акад. наук, 1907. [2], VI, XXV, 658, [2] с.
- Кенин-Лопсан М. Б. Ойтулааш: классические образцы любовной лирики тувинского народа. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 2004. 384 с.
- Кон Ф. Я. Экспедиция в Сойотию. М.: Изд-во Всесоюз. общ-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1934. 157 с.
- Курбатский Г. Н. Тувинцы в своем фольклоре: историко-этнографические аспекты тувинского фольклора. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 2001. 464 с.
- Майны Ш. Б. Традиционные игры в молодежном празднике тувинцев «Ойтулааш»: семантика и интерпретации в современных театрально-хореографических формах // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2012. № 2 (30). С. 151–154.
- Радлов В. В. Этнографический обзор тюркских народов Южной Сибири и Джунгарии. Томск.: Типо-лит. Михайлова и Макушина, 1887. 145 с.
- Райков М. И. Отчет о поездке к верховьям реки Енисея, совершенной в 1897 году по поручению РГО // Изв. Русского Географического об-ва. СПб.: [б.и.], 1898. Т. 34. Вып. 4. С. 433–462.
- Потанов Л. П. Очерки народного быта тувинцев. М.: Наука, 1969. 401 с.
- Потанов Л. П. Очерки по истории алтайцев. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1953. 2-е изд. 442 с.
- Степановф Ш. Метаморфозы родства у тувинцев. // Этнографическое обозрение. 2009. № 4. С. 130–144.
- Тадина Н. А. Три линии родства и авункулат у алтайцев // Алгебра родства. Вып. 9. СПб.: МАЭ РАН, 2005. С. 253–283.
- Швецов С. П. Обычно-правовые воззрения алтайцев (калмыков) и киргиз: Брачные и семейные отношения // Записки Западно-Сибирского отделения Императорского Русского Географического общества. Омск: Тип. Окружн. Штаба, 1898. Кн. 25. С. 1–16.

Sources

- PMA — *Polevye materialy avtora* [Author's field data]. List of informants:
- Dongak Natsak (Khoyuk) Ulug. A native of Tsengel sum (district) in Bayan-Ölgii aimag (province) of Mongolia. The record was made in Buyant sum of Khovd aimag (Mongolia) in 1996.
- Lakhov Valeriy Kyrgyzovich, Mr., born 1938. A native of Kachyk sumon (rural settlement) of Erzinsky district (Republic of Tuva). The record was made in Naryn village of Erzinsky district (Republic of Tuva) in 1998.
- Magzarzhap Khaalar, Mr., born 1977. A native of Buyant sum of Khovd aimag (Mongolia). The record made in 1996.
- Minchimaa Mariya Ondarovna (1936–1990), Ms. A native of Doskaarlyg sumon of Dzun-Khemchiksky district (Republic of Tuva). In the closing years of her life resided in Kyzyl, Republic of Tuva.
- Saryglar Chanchyvaa Shaazhan-Khoevna (1929–2001), Ms. A native of Doskaarlyg sumon of Dzun-Khemchiksky district (Republic of Tuva). In the closing years of her life resided in Chadan town of Dzun-Khemchiksky district (Republic of Tuva).
- Chag Tyva Kush, Ms., born 1924. A native of Buyant sum of Khovd aimag (Mongolia). The record made in 1996.

References

- Adrianov A. A. *Puteshestvie na Altay i za Sayany, sovershennoe v 1881 godu po porucheniyu Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo*

- obshchestva chlenom-sotrudnikom A. V. Adrianovym* [A. Adrianov's 1881 journey to the Altai and Sayan mountains undertaken on behalf of the Imperial Russian Geographical Society]. *Zapiski Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo obshchestva po obshch. Geografii* [Notes of the Imperial Russian Geographical Society on General Geography]. St. Petersburg, Imper. Acad. of Sc. Press, 1888, vol. 11, pp. 147–444 (In Russ.).
- Ayyzhy E. V. *Kategoriya «vozrast» i otnoshenie k nemu u tuvintsev* [Category 'age' and the attitude of the Tuvans towards it in the traditional culture]. *Kazanskiy pedagogicheskiy zhurnal* (Kazan Pedagogical Journal), 2015, No. 5 (112), pp. 415–421 (In Russ.).
- Ayyzhy E. V., Mayny Sh. B. *Molodezhnyy prazdnik «Oytulaash» v traditsionnoy kul'ture tuvintsev* [The youth festival 'Oytulaash' in the traditional culture of Tuvans]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN* (Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS), 2016, No. 1, pp. 107–114 (In Russ.).
- Vaynshteyn S. I. *Zagadochnaya Tuva* [The mysterious Tuva]. Moscow, Domashnyaya Gazeta Publ. Ltd., 2009, 416 p. (In Russ.).
- Verbitskiy V. I. *Altayskie inorodtsy* [Non-Russian population of the Altai]. Moscow, Kniga Po Trebovaniyu Publ., 2011, 256 p. (In Russ.).
- Dulov V. I. *Perezhitki obshchinno-rodovogo stroya i rodovogo byta u tuvintsev v XIX — nachale XX v. (do 1917 g.)* [Vestiges of the communal-clan system and clannish economy among the Tuvans in the 19th–early 20th cc. (before 1917)]. *Sovetskaya etnografiya* (Soviet Ethnography journal), 1951, No. 4, pp. 57–76 (In Russ.).
- Dyakonova V. P. *Iz predystorii tuvinskogo sovkhooza «Naryn»* [Prehistory of 'Naryn' sovkhooz (Tuva)]. *Etnograficheskie aspekty izucheniya sovremennosti* [Ethnographic aspects in studies of modernity]. Leningrad, Nauka Publ., 1980, pp. 93–108 (In Russ.).
- Dyrenkova N. P. *Rod, klassifikatsionnaya sistema rodstva i brachnye normy u altaytsev i teleut* [Clan: the classification system of kinship and conjugal morality among the Altaians and Teleuts]. *Materialy po svad'be i semeyno-rodovomu stroyu narodov SSSR* [Materials on wedding traditions and the family-clan system of the USSR's peoples]. Leningrad, Publ. Office of Commission for the Arrangement of Students' Ethnographic Excursions, 1926, iss. 1, pp. 247–259 (In Russ.).
- Katanov N. F. *Narechiya uryankhaytsev (soyotov), abakanskikh tatar i karagasov. Teksty, sobrannye i perevedennyye N. F. Katanovym* [Dialects of the Uriankhai people (Soyots), Abakan Tatars and Karagas people]. *Obraztsy narodnoy literatury tyurkskikh plemen, zhivushchikh v Yuzhnoy Sibiri i Dzungarskoy stepi. Sobrany V. V. Radlovym. T. IX (teksty I, perevod II)* [Samples of folk literature of Turkic tribes residing in Southern Siberia and Dzungar Steppe. Collected by V. Radlov. Vol. 9 (texts and translation)]. St. Petersburg, Acad. of Sc. Press, 1907, VI, XXV, 658 p. (In Russ.).
- Kenin-Lopsan M. B. *Oytulaash: klassicheskie obraztsy lyubovnoy liriki tuvinskogo naroda* [Oytulaash: classical samples of Tuvan love poetry]. Kyzyl, Tuva Book Publ., 2004, 384 p. (In Tuvan and Russ.).
- Kon F. Ya. *Ekspeditsiya v Soyotiyu* [An expedition to Soyotia]. Moscow, All-Union Society of Political Convicts and Deportees Press, 1934, 157 p. (In Russ.).
- Kurbatskiy G. N. *Tuvinty v svoem fol'klore: istoriko-etnograficheskie aspekty tuvinskogo fol'klora* [Tuvans in their folklore: historical-ethnographic aspects]. Kyzyl, Tuva Book Publ., 2001, 464 p. (In Russ.).
- Mayny Sh. B. *Traditsionnye igry v molodezhnom prazdnike tuvintsev «Oytulaash»: semantika i interpretatsii v sovremennykh teatral'no-khoreograficheskikh formakh* [Traditional games at the Tuvan youth festival 'Oytulaash': semantics and interpretations in modern theatrical-choreographic forms]. *Vestnik Chelyabinskoy gosudarstvennoy akademii kul'tury i iskusstv* (Herald of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts), 2012, No. 2 (30), pp. 151–154 (In Russ.).
- Radlov V. V. *Etnograficheskiy obzor tyurkskikh narodov Yuzhnoy Sibiri i Dzhungarii* [Ethnographic review of the Turkic peoples residing in Southern Siberia and Dzungaria]. Tomsk, Mikhaylov and Makushin Publ., 1887, 145 p. (In Russ.).
- Raykov M. I. *Otchet o poezdke k verkhov'yam reki Eniseya, soershennoy v 1897 godu po porucheniyu RGO* [Report on an 1897 journey to the Upper Yenisei undertaken on behalf of the Russian Geographical Society]. Russian Geographical Society Press, St. Petersburg, 1898, vol. 34, iss. 4, pp. 433–462 (In Russ.).
- Potapov L. P. *Ocherki narodnogo byta tuvintsev* [Sketches of the everyday life of Tuvans]. Moscow, Nauka Publ., 1969, 401 p. (In Russ.).
- Potapov L. P. *Ocherki po istorii altaytsev* [Sketches on the history of Altaians]. Moscow, Leningrad, Publ. House of the USSR Acad. of Sc., 1953, 442 p. (In Russ.).

- Stepanoff Sh. *Metamorfozy rodstva u tuvintsev* [Metamorphoses of kinship among the Tuvan]. *Etnograficheskoe obozrenie* (Ethnographic Review journal), 2009, No. 4, pp. 130–144 (In Russ.).
- Tadina N. A. *Tri linii rodstva i avunkulat u altaytsev* [The three kinship lines of Altaians]. *Algebra rodstva* [Algebra of Kinship], iss. 9. St. Petersburg, Museum of Anthropology and Ethnography (RAS) Press, 2005, pp. 253–283 (In Russ.).
- Shvetsov S. P. *Obychno-pravovye vozzreniya altaytsev (kalmykov) i kirgiz: Brachnye i semeynye otnosheniya* [Common law of the Altaians (Kalmyks) and Kyrgyz people: marital and family relations]. *Zapiski Zapadno-Sibirskogo otdeleniya Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo obshchestva* [Notes of the Western Siberian Branch of the Imperial Russian Geographical Society]. Omsk, Publ. Office of District Headquarters, 1898, book 25, pp. 1–16 (In Russ.).
-

УДК 390 (519.3)

ФОРМЫ СЕМЬИ И БРАКА ТУВИНЦЕВ РОССИИ, МОНГОЛИИ И КИТАЯ

Елена Валерьевна Айыжы¹

¹ кандидат исторических наук, доцент, кафедра всеобщей истории и археологии, Тувинский государственный университет (Кызыл, Российская Федерация). E-mail: aiyygy@mail.ru.

Аннотация. В статье описываются формы и нормы семьи и брака тувинцев России, Монголии и Китая в сравнительном аспекте. Автор приходит к выводу о том, что изучение форм брака и семьи у тувинцев проливает свет на сложнейшую историю общественных отношений в Туве в конце XIX и начале XX вв. и позволяет выявить условия, определившие длительное бытование некоторых архаических черт брачных отношений. Показаны изменения в брачно-семейных отношениях в период трансформационных процессов. В статье используются собственные полевые материалы автора, собранные на территории российской Республики Тыва, Монголии и Синьцзян-Уйгурского автономного округа КНР.

Ключевые слова: форма семьи, брак, род, тувинцы России, тувинцы Монголии, тувинцы Китая, брачный возраст, безбрачие, *ойтулааш*.